

Амиран Урушадзе

Рец. на: Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Д.Г. Янченко, М.В. Ходяков (отв. ред.), А.А. Иванов, А.Э. Котов, В.Л. Степанов, А.В. Мамаев, Э.О. Сагинадзе, Е.О. Старовойтова, Б.А. Алимджанов, Г.М. Слободзян. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2020. 660 с.

Amiran Urushadze

(European University at Saint Petersburg, Russia)

Rec. ad op.: Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiyskoy imperii (1894–1917). Saint Petersburg, 2020

DOI: 10.31857/S0869568722060243, EDN: MOOFOY

Рассматриваемое обобщающее исследование стало итогом многолетней работы авторского коллектива¹, посвящённой изучению экономической политики Российской империи на окраинах в 1894–1917 гг. Это первое в историографии комплексное исследование экономического измерения «окраинной» политики го-

сударства. Его структура выдержана в проблемно-географическом ключе и фокусируется на таких регионах, как Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ, Западный край и Прибалтика. Внутри каждой части выделены проблемно-тематические главы, которые затрагивают широкий круг вопросов — от переселенческой по-

литики до специфических особенностей аграрных отношений. Великое княжество Финляндское и Царство Польское авторы обошли вниманием по причине обширной историографии их социально-экономического развития. Также авторским замыслом продиктован очерковый формат текста, что позволило избежать схематизма и повторения уже изученных сюжетов.

Наиболее обстоятельная часть книги — анализ социально-экономической политики российского правительства на Дальнем Востоке, в том числе организации управления Китайско-Восточной железной дорогой, колонизации, кредитно-финансовой сферы, трудовой миграции и её регулирования. Данному региону посвящены четыре главы, в то время как остальным — по две. Однако такое смещение «центра тяжести» продиктовано не эмпирическим или аналитическим дефицитом, а прежде всего актуальностью и новизной «дальневосточных» сюжетов.

Рассматриваемые темы имеют основой репрезентативную документальную базу из фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (Владивосток), Центрального исторического архива Грузии (Тбилиси). Привлекает внимание и историографический обзор, который на сегодняшний день можно считать наиболее полным по вопросу о политике Российской империи на окраинах.

В исследовании можно выделить «сквозные» темы. Проблемы экономического развития рассматриваются авторами в контексте столкновений в бюрократических структурах. Привлекают внимание описание противостояния Министерства финансов

и военного ведомства в деле организации административного управления Китайско-Восточной железной дорогой, служебно-иерархические «войны» центральной и региональной бюрократий за выбор правительственного курса в Средней Азии. Концептуально важен вывод авторов о росте влияния Министерства финансов на «окраинную» политику в условиях думской монархии. Некоторые административные институты основывались на архаичных принципах. Так, например, важнейшим ресурсом кавказских наместников и сибирских генерал-губернаторов в противостоянии с министрами являлись личное доверие императора и право прямого обращения к нему. Наиболее сильные региональные администраторы опирались на проверенных чиновников, с которыми работали на протяжении длительного времени и способствовали их карьерному продвижению. Неформальные механизмы задействовались и в столице, где влиятельные властители окраин имели надёжных лоббистов.

Внимание к подобного рода сюжетам неслучайно. В последние годы заметен рост публикаций о разнообразных по содержанию и интенсивности конфликтах официального Петербурга и региональных центров власти². Такие примеры подтверждают актуальность ситуационного подхода при анализе имперской политики³, а также свидетельствуют о роли неформальных связей и отношений в процессе принятия управленческих решений. Как показано в рецензируемой книге, таковые продолжали выступать важным административным ресурсом и после эпохи Великих реформ, когда в Российской империи, благодаря расширению и усложнению системы государственного управления и профессионализации чиновников, начала складываться бюрократия, основанная на рациональных принципах⁴.

К этой исследовательской проблеме примыкает сюжет, связанный с конкуренцией бюрократов-«технократов» и военной элиты. Radикально усложнившиеся аппаратные логистика и процедуры затрудняли назначение военных на ключевые административные должности. Влияние армии на процессы управления империей ослабилось и с появлением публичной политики, когда некоторые администраторы «старой школы» из числа военных оказались под перекрёстным огнём критики со стороны думских депутатов и прессы⁵.

Несомненное достоинство рецензируемой книги — анализ влияния социальных волнений и вооружённых протестов на хозяйственное развитие окраин империи, в частности смуты 1905–1907 гг. на бакинскую нефтепромышленность. По сведениям авторов, только в 1904–1905 гг. в ходе межэтнических и социальных конфликтов в регионе оказались уничтожены 1864 из 3110 нефтяных вышек, разорению и разрушению подверглись запасы добытой нефти, мастерские, котельные, трубопроводы и другие промышленные объекты. Общая сумма ущерба достигла 20 млн руб. — без учёта материальных потерь рабочих и администрации нефтепромыслов. Всё это привело к катастрофическому падению объёмов добычи нефти и её экспорта, который сократился с 99,9 млн до 48,5 млн пудов. Несмотря на усилия правительства, вернуть их на докризисный уровень не удалось. Объёмы производства получилось восстановить только к концу 1920-х гг.

При этом подчёркивается, что массовые выступления и столкновения на окраинах вызывались неэффективной работой имперской администрации. Под таким углом зрения авторы рассматривают Среднеазиатское восстание 1916 г., которое, по их мнению, выявило кризисное состоя-

ние региональной власти. Последняя с конца 1880-х гг. находилась в режиме перманентного реформирования и поиска оптимальной модели взаимодействия со столичной бюрократией. «Туркестанское восстание нанесло мощный удар по усилиям центра, связанным с экономическим развитием края, и стало символом кризиса имперской модели управления в России» (с. 610). Выводы авторов подтверждаются примерами из истории Южного Кавказа. В 1812 г. вспыхнуло большое восстание в Кахетии, жесточённость которого представители российской администрации сравнивали с событиями Французской революции⁶. Причиной этого выступления, продолжавшегося в течение года, признали произвол чиновников, откровенно грабивших местное население. Как и в случае с восстанием 1916 г., кахетинские события привели регион к социально-экономическому упадку, последствия которого были заметны ещё многие годы.

Масштабные кризисы привлекали к окраинам внимание центра. Авторы отмечают, что одним из механизмов контроля за ситуацией выступали сенатские ревизии. В качестве примера рассмотрена ревизия Туркестанского края, проведённая сенатором К.К. Паленом в 1908–1909 гг. Она уже привлекала внимание историков, однако здесь рассмотрена в контексте правительственной дискуссии о колонизации Туркестана. Авторам удалось показать принципиальность разногласий внутри российской бюрократии. Пален вслед за министром финансов В.Н. Кокцовым считал ускоренную и, соответственно, затратную колонизацию региона излишней. Правда, Кокцовы всегда выступал против крупных казённых трат, в то время как Пален пришёл к убеждению, что социально-экономическую модернизацию следовало проводить силами

частного капитала. Другую позицию отстаивал главноуправляющий землеустройства и земледелия А.В. Кривошеин, которого современники называли «министром Азиатской России». По его мнению, только форсированная колонизация могла обеспечить как социально-экономическое преобразование края, так и политическое преобладание в нём России. Ключевым фактором победы курса Кривошеина оказалась поддержка Военного министерства. Накануне Первой мировой войны империя приступила к реализации большого проекта по орошению и заселению Голодной степи. Однако завершить его удалось лишь в 1950–1960-х гг.

Важнейшим представляется вывод о том, что переселенческая политика, активно проводившаяся на окраинах, имела относительный успех лишь в Сибири и на Дальнем Востоке. Колонизация Кавказа и Средней Азии протекала с большими трудностями, русские крестьяне-переселенцы зачастую оказывались не в состоянии приспособиться к новым условиям. К скромным результатам привели и усилия по освоению Черноморского побережья и Муганской степи (Южный Кавказ). Русская колонизация Кавказа имела несколько измерений, наряду с хозяйственными мотивами не меньшую роль играли военно-политические соображения. Крестьянин-переселенец должен был не только получить достаточное количество земли и освоить её, но и стать зримым символом полного и бесповоротного покорения края. Однако к началу XX в. многим чиновникам стало понятно, что традиционная модель колонизации не сработала. Известный экономист А.А. Кауфман, характеризуя заселение Черноморского побережья, отметил, что именно здесь «с особенной ясностью обнаружилось культурное бессилие русского переселенческого движения». Ещё

более примечательны слова предпоследнего кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова, заметившего, что «водворение русских переселенцев давало лишь печальные результаты» (с. 454). Провал переселенческой политики на Кавказе признал даже её активный сторонник Кривошеин, подсчёты которого (приведены на с. 473) показали несоответствие достигнутых результатов масштабным планам и тратам казны. Авторы отмечают относительный хозяйственный успех вынужденных переселенцев – сектантов, что, однако, не изменило общей ситуации.

В этой связи актуальным представляется изучение альтернатив крестьянской колонизации Южного Кавказа. Известно, что в конце 1860-х гг. обсуждалась идея создания Закавказского казачьего войска, которое должно было не только надёжно прикрыть границы с Турцией и Персией, но и выступить авангардом освоения региона. Однако проект не получил развития, хотя среди его сторонников были и влиятельные сановники, например, М.Т. Лорис-Меликов, занимавший в 1863–1875 гг. должность начальника Терской области.

На страницах книги несколько раз звучит тезис о незавершённости многих имперских проектов, об альтернативах социально-экономического развития, которые оказались или надолго отложены, или вовсе отброшены событиями 1917 г. Здесь издание перекликается с другим новейшим коллективным исследованием – «Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916», в котором на разнообразных примерах показаны пути политического и социально-экономического развития империи Романовых, «заваленные» революционным кризисом⁷.

Главное достоинство книги – панорамный взгляд на «окраинную» экономическую политику в позднеимпер-

скую эпоху. Авторы успешно показали тесную связь экономики и политики, а также степень влияния периодической печати и думских дискуссий на определение правительственного курса. Недостатком можно считать отсутствие в тексте сравнительного анализа. Авторы фокусируются на отдельных окраинах, но почти не рассуждают на темы общности и уникальности вызовов, с которыми сталкивалась империя в различных ситуациях. Тем не менее в аналитическом и повествовательном отношениях они не отклоняются от предложенной в заглавии исследования схемы — «центр и регионы». Как следствие, перед нами классическая нарративная модель, согласно которой «центр» предпринимает различной степени успешности усилия по модернизации «регионов—окраин». Однако не менее продуктивным видится иной подход, акцентирующий внимание на межкрайних связях и распространении населения, идей и технологий по периметру империи. Такая оптика позволяет увидеть не только то, как империя изменяла окраины, но и то, как окраины деформировали привычные управленческие схемы, вызвали к жизни новые политические институты. Взгляд с этой точки зрения представляется сегодня одним из наиболее перспективных в исследовании политики Российской империи на окраинах.

Очевидно, что дискуссия о концептах и теориях описания российского имперского опыта продолжится⁸. В этом контексте книга «Центр и ре-

гионы», безусловно, яркое историографическое событие.

Примечания

¹ Янченко Д.Г., Андреев А.А., Шорохов В.А. Выборы депутатов-«иностранцев» от Средней Азии в Первую и Вторую думы // Клио. 2017. № 12. С. 83–95; Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. Т. 8. 2018. № 3. С. 583–597; Сагинадзе Э.О. «Первый публичный экзамен»: правительственная политика по развитию Черноморского побережья Кавказа и сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка «Русская Ривьера» (1913 г.) // Новое прошлое. 2018. № 4. С. 130–147.

² Волхонский М.А. Упразднение Кавказского наместничества в 1881–1882 гг. // Российская история. 2018. № 3. С. 171–189; Почечкаев Р.Ю. «...Ябедный контроль...»: Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман и Государственный контроль // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 72–89.

³ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 29–30.

⁴ Уртман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 453–486.

⁵ Наиболее резонансной стала история «кавказского запроса» 1908–1909 гг., когда И.И. Воронцов-Дашков подвергся критике со стороны правых думцев во главе с В.М. Пуришкевичем.

⁶ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. V. Тифлис, 1873. С. 60.

⁷ Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / Под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьёва. М., 2021.

⁸ Дискуссия «Империя должна умереть? Империя Романовых, национализм и политическая турбулентность начала XX в. // Новое прошлое. 2019. № 2. С. 184–216.